

РЫЦАРЬ СВЕРХНОРМАТИВНОСТИ

Памяти Андрея Кофмана

Андрей Кофман — личность поистине возрожденческого масштаба — был не только филологом, ученым, писателем, но и художником. Большая часть его картин написана в уникальной технике, им самим — для себя — разработанной. Сначала возникает сложнейшая вязь образов, пастозный слой масляной краски, вылепливающий на холсте видения автора, вдохновленные причудливым, витиеватым миром его любимой Латинской Америки, пронизанным отблесками испанского барокко. Квинтэссенция чуда страны чудес, запечатленная на холсте.

Затем, когда масло подсыхало, художник брал бритву и срезал верхний живописный слой. Изображение на холсте обретало собранность и сдержанность (ту самую, кастильскую?), которая несла в себе память об изначальном барочном буйстве, но преображенном в структуру, освобожденную от лишнего, проявляющую главное. Холст Кофмана «Соборы» — сокровище моей скромной коллекции, готическое кружево, масло, срезанное до камня. По тому же принципу Андрей Кофман писал свои статьи и книги — безграничный материал, структурированный мудрым и требовательным взглядом ученого.

Андрей Кофман. Собор. 1995

Первое наше знакомство — книжное. Наталья Родионовна Малиновская рассказывает студентам филфака о талантливом молодом ученом, который недавно защитился, и упоминает его статью о танго. Тот текст, сразу же прочитанный в сборнике с красной обложкой¹, стал научным образцом: скрупулезность и смелость анализа, виртуозное доказательство теории, литературное мастерство. Андрей Кофман явился как недостижимый ориентир, маячащий где-то в запредельных эмпиреях. Затем началось движение “tierra adentro”, столь вдохновенно описанное им продвижение конкистадоров в глубь земель. В данном случае не намеренное, а подчиненное воле случая и судьбе.

Оппонентом моей кандидатской диссертации назначили... Андрея Кофмана, с которым лично мы еще не были знакомы. Первая встреча с мэтром, разбор научных экзерсисов: Кофман обнаружил в них смыслы, которые я сама — автор — до конца не осознавала. Это также был урок на всю жизнь: настоящий исследователь лишь тот, кто обретает смыслы, о которых творец, будь то писатель или художник, может и не догадываться. Недаром одна из блестящих гипотез Кофмана при анализе магического реализма — влияние культур «поверх текстов». В результате единственным замечанием оппонента к диссертации была структура библиографии, следствием — начало прекрасной дружбы («Касабланка» forever). Первой «толстой» книгой, которую мой сын Федор прочел в 12 лет и не мог оторваться, стал роман «Тьерра аделанте!». Жюль Верн и Дюма как-то не пошли (слушать — да, но не читать). Кофман заморозил.

Когда в Институте Сервантеса решили проводить курсы на темы культуры, первым лектором был приглашен Андрей Кофман с его незабываемым циклом об испанских конкистадорах. Сохранились письма от слушателей: «это не лектор, это свидетель, кажется, что он все это видел»; «мы как будто с Нуньесом де Бальбоа сами вышли на берег Тихого океана»; «открылась новая вселенная»; «уникальное сочетание знаний и эмоций». Андрей выступал в Институте Сервантеса часто:

¹ *Кофман А.Ф.* Аргентинское танго и русский мещанский роман // Литература в контексте культуры. М.: Наука, 1986. С. 220–233.

читал лекции, презентовал книги, участвовал в чествованиях Хуана Рульфо, Варгаса Льосы, Никанора Парры. Он стал важнейшей частью нашего испанского дома.

В 2012 г. с педагогом-испанистом Анной Школьник, также близким другом Андрея, мы основали «тертулию», клуб друзей по образу традиционных собраний испанских интеллектуалов XIX в. Мы собирались примерно раз в месяц—полтора — сначала в кафе «Дети райка», потом в «Хлебе насущном», потом переместились в мой кабинет в Институте Сервантеса. Каждый приносил гастрономические дары и историю — испанистскую находку, свежее впечатление, новую теорию. За круглым столом тертулианцы по кругу делились заготовлен-

Андрей Кофман. Воспоминание об Испании. 1991

ным, обсуждали, смеялись, выпивали, вспоминали. Как сказал гость последней, мартовской, тертулии: «Я не думал, что такие искрометные ученые встречи вообще возможны». В июне мы

впервые встретимся без Андрея. Завершился цикл из двенадцати лет, сакральное число древних.

На тертулиях Андрей рассказывал о сущности художественного времени, о путешествиях в Перу и в Колумбию, о «мифологическом языке» Латинской Америки. Для него — как и для остальных тертулианцев — эти встречи оказывались творческой мастерской, а также лакмусовой бумажкой личности. Все рыцари появлялись за нашим круглым столом без забрала и без доспехов.

Андрей мягко улыбался, доставал грибы или огурчики («ну, естественно, сам, и собирал, и готовил», как если бы его обвинили в литературном плагиате), а также — очередной многостраничный фолиант: «Вот, тут книжку написал, может, успеешь полистать когда-нибудь». Скромничал, что как-то сегодня не подготовился. Эту удивительную простоту и человеческую искренность так ценили в Андрее все его друзья. Вспоминал приключения в байдарочном походе по Карелии, туман на Мачу-Пикчу, затем переходил к делу... и тут начиналась то самое: “*tierra adentro*”. Его методология в рассказе, в научных статьях, в книгах переключалась с подходом конкистадоров — трепет, собранность, рывок в неведомое, поиск сокровищ, «улавливание» дикого пространства.

Каждый настоящий исследователь-творец в своих текстах проговаривается о себе. Недаром Андрей с такой настойчивостью акцентировал, что в истории Конкисты в оппозиции *conquistar* (*при*-своение) и *poblar* (*о*-своение) именно освоение новых территорий играло ведущую роль. Он с блеском доказывал, споря с «черной легендой», что Конкиста не сводилась к деяниям сугубо прагматическим (награбить), в ней гораздо больше идеализма, пассионарности, погони за химерами, поиска воображаемого — будь то страна амазонок или Эльдorado, — ведущих к реальным открытиям, свершениям и «разворачиванию» нового мира. Это был и его принцип взаимодействия с бескрайним полем исследований. «Как ты успеваешь писать по книге в год?» — спрашивали мы. Ответ: «Сядишься за стол и начинаешь двигаться вперед». Личная конкиста. Заурядное становится чудесным, а чудесное — заурядным. Бритва срезает лишнюю краску, идеальная структура, дорога для грядущих «колонистов».

Сама терминология, исследовательский инструментарий, которым пользовался и который вводил в научную практику Андрей Кофман, точно характеризует и его самого, принципы его работы. Он, без сомнения, был человеком «обратной» (в оппозиции к прямой) стратегии выстраивания картины мира:

Ее особенность состоит в том, что картина мира выстраивается в постоянном сопоставлении с иной культурой... Главное в этой стратегии — неперенное присутствие в сознании автора различных картин мира, своей и чужих; нередко выходит так, что свою культуру автор исследует и оценивает глазами иностранца, внедряя в повествование соответствующего героя².

«Обратная стратегия», константа инаковости, сакральный центр, аура исключительности, мифогенная зона, «одержимость» как культурологический концепт, а также «поэтика сверхнормативности» (превысить норму, перейти границу, о-своить) — все эти термины определяют и культуру Нового Света, и самого автора концептов.

Творец живет, пока созданные, о-своенные им миры хранят его память. Невозможно рассуждать о магическом реализме, о Конкисте, о танго, о Латинской Америке, да и об Испании, не вспоминая о верном рыцаре культуры, художнике пера и кисти, о друге — даже для тех, кто не знал его лично. Его книги написаны как будто для тебя, именно для тебя. Дело в интонации.

После ухода Андрея Кофмана мне часто снится один и тот же сон. Звучат мексиканские народные песни (тема его кандидатской). За огромным столом — на тех небесах, которые ему уготованы — собрались в ожидании Христофор Колумб и Инка Атауальпа, Фернан Кортес и Нуньес де Бальбоа, хронисты Берналь Диас дель Кастильо и Франсиско Лопес де Гомара, поэт Алонсо де Эрсилья и певец танго Карлос Гардель, Габриэль Гарсиа Маркес и Алехо Карпентьер, Хуан

² Кофман А.Ф. «Что гринго здорово, то латиноамериканцу смерть...» Особенности выстраивания латиноамериканской картины мира // Ибероамериканские тетради. 2023. № 1. С. 19–20.

Рульфо и Карлос Фуэнтес... Длинная вереница сотрапезников, все лица не разглядеть... Кто будет держать кубок для вновь прибывшего (уверена, не из черепа врага, а тонкой гранадской работы), Габо или дон Христофор?

Когда Фернан Кортес описывал в посланиях-реляциях императору Карлу V ацтекские города, он буквально захлебывался от эмоций и постоянно был вынужден прибегать к фигуре умолчания: «Так много и так превосходно все было, что я не могу это описать...». Нам это описал Андрей Кофман, его самого описать невозможно. «Удивительный он человек! Сколько ни живи рядом с ним, до конца его не узнаешь. Или ему тоже ведомы тайные силы»³. Прибегну к фигуре умолчания, где у каждого свой бесконечный мир чудес от А.К.

Многозначие...

Татьяна Пигарева

³ *Гуиральдес Р.* Дон Сегудно Сомбра. М.: Худож. лит., 1960. С. 114.